

F * W

FANTASY ✱ WORLD

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ВЛАСТЬ ШПАГИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 40

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Посняков, Андрей Анатольевич

П62   Лоцман: Власть шпаги: роман / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 384 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-122148-5

Середина XVII века. Непокойно на северных русских границах: новый шведский король Карл Густав стремительно наступает по всему побережью, грозя вот-вот превратить Балтийское море во внутреннее «шведское озеро». Государь Алексей Михайлович понимает, что новой войны со шведами не избежать...

Никита Петрович Бутурлин, мелкопоместный русский дворянин, сильно озабочен собственной жизнью. Хозяйство его давно пришло в упадок, остались лишь верные холопы да интриги с могущественным соседом из-за земли и лесного озера. Дабы совсем не пропасть, Бутурлин промышляет лоцманским делом — водит торговые суда по Неве-реке до шведского города Ниена. Там, в Ниене, проживает одна девушка, что так нравится Никите... Однако суждено ли им быть вместе? Тем более что вот-вот начнется война, и Бутурлин уже получил от самого воеводы, князя Петра Ивановича Потемкина, очень важное и опасное задание, связанное с крепостью Ниеншанц...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122148-5

© Андрей Посняков, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

В лето одна тысяча шестьсот пятьдесят пятого года казалось, что самые худшие времена для богоспасаемой земли русской оказались уже позади. Отгремела, отгорела Смута, когда, чудилось, не будет больше никогда матушки России. Но нет, воспрянула Русь, возродилась, сбросив с себя орды самозванных правителей, поднималась, потихоньку накапливая силы.

Однако же не было спокойствия в государстве Российском и на границах его. С юга пускались в набег крымские татары, жгли, убивали, грабили, уводя в гнуснейшее рабство тысячи русских людей. На западе не утихла новая война с Речью Посполитой, уже был возвращен Смоленск, уже прошла знаменитая Переяславская рада, и войска гетмана Богдана Хмельницкого принесли присягу московскому государю Алексею Михайловичу Романову.

Не было спокойствия и на севере — новый шведский король Карл Густав, продолжая дело Густава Адольфа, стремительно наступал по всему побережью, грозя вот-вот превратить Балтийское море во внутреннее «шведское озеро». В самой же России тоже было неспокойно. Начал церковную реформу новый патриарх — Никон, всколыхнувший все общество и вскоре возмнивший себя выше самого царя. Хитромудрые бояре, взалкав славы средневековых алхимиков, а пуще того, обуяны жаждой пополнить собственную мошну, надоумили государя велеть принимать медные монеты наравне с серебряными, да еще повысить цены на соль...

Народ начинал бунтовать... Бунташный век — так и прозвали все семнадцатое столетье! И прозвали не зря.

* * *

— Удар! Удар! От плеча... Живо! Живо!

Сверкнул клинок, разящая сталь, отразив теплое пер-
вомайское солнце, ударила да прямо Никите в глаз.

— Стойте-ка, парни, — Никита тотчас же прищурился, махнул рукой. — Кому говорю — стой!

Семен и Ленька — обычные деревенские парни, недо-
росли лет по шестнадцати — застыли, опустив тяжелые
боевые шпаги. Засопели, зыркнули исподлобья — мол,
чего это их... на самом интересном месте.

Ленька — тот посмелей был, поувертистей, да и во-
обще на язык востер — поклонясь, приложил левую руку
к сердцу:

— Никита Петрович, батюшка! Неужто опять напор-
тачили? Чегой-то не так?

— Да все так, — Никита Петрович снова махнул рукой
и ухмыльнулся, усаживаясь на лавочку, устроенную как
раз под старым развесистым кленом, что рос у покосив-
шегося забора, прямо напротив небольших двухэтажных
хором, некогда добротных, а ныне давно уже требующих
добротного ремонта.

Честно сказать, не очень-то Никита Петрович Бутур-
лин — крепкий двадцатипятилетний молодец с длинны-
ми, завитыми по шведской моде патлами и небольшой
бородкой — походил на батюшку. Впрочем, ежели брать
социальный статус — то да, Никита все ж таки был бело-
мосец (или, как говорили в старину — своеземец), поме-
щик, владелец земли с деревенькой Бутурлино и «со-
людищи» в количестве тридцати пяти душ, из которых
большая часть — девки да бабы, потом еще дети малые,
а уж что касемо мужиков — то тех кот наплакал, увы.
И как быть, коли государь Алексей Михайлович, дай ему

Бог здоровья, призовет на службу ратную «дворянина Бутурлина» конно, людно и оружно? Кто у сего дворянина в боевых холопах-то? Да вот эти — Семка с Ленькою, да еще, ежели по сусекам хорошенько поскрести, хорошо если души три наберется. И всё!

Боевых холопов — молодых парней — приходилось учить. Еще бы, от этого в бою жизнь зависела — и их самих, холопов, и — что куда важнее — помещика.

— Добро, добро, выюноши! — пригладив растрепавшуюся шевелюру, Никита Петрович успокоил дворовых и, поднявшись со скамейки, протянул руку: — Семен, шпагу сюда! Ленька — на позицию... Ноги, ноги под прямым углом поставь... Ах, да вот этак!

— Слушаюсь, батюшка!

— Нападай! Нападай, говорю! Живо!

— А-а-а-а!!! — мысленно перекрестясь, жилистый и верткий Ленька упрямо склонил голову и бросился на своего хозяина. Ударил... По-настоящему, от души — Бутурлин даже в учебном бою не терпел халтуры.

Ловко отбив удар, Никита Петрович повернулся, пропуская нападавшего мимо, и тут же контратаковал — нанес удар от локтя, красиво, умело и быстро. словно молния сверкнула — оп!

В последний момент Бутурлин придержал клинок, ухмыльнулся:

— Посейчас я бы тебе все плечо рассек! И помер бы ты, паря, от потери крови, скончался бы в страшных мучениях. А все почему?

— Почему, батюшка?

Помещик зло сплюнул:

— А по кочану, чтоб вас волки сожрали! Я сколько раз говорил — не выходите из круга! Мысленно круг обрисовали — и там, в этом кругу, и действуйте!

— Ну уж... все в одном кругу, батюшка?

— Ох, язвы ты! Ох, стоеросовые! — Никита Петрович с возмущением покачал головой и опустил шпагу. — Да

поймите ж вы, теляти дубоголовые, что систему сию, что я вам вот уже сколько втолковываю, вовсе не дурни придумали... совсем-совсем не дурни. И слово «дестреза» в переводе с гишпаньского означает — мастерство! Мастерство, вьюноши! А не дуболомство.

Бутурлин несколько подобрел — нравилось ему учить молодежь всяким воинским премудростям, чего уж. Когда-то ведь и его самого учили... вернее — учил. Старый пират Жоакин Рибейруш, рубака из далекого португальского городка Кашкайша, вот уже более двадцати лет как осевший в шведском Ниене, что располагался на берегах полноводной реки Невы — по-шведски «Новой», у впадения в оную другой речи, называемой финнами да ижорцами Охтой — Медвежьей рекою. Красив Ниен, красив... а уж какие там девы! Эх...

Вспомнив о ниенских девах... вернее, об одной деве... молодой человек помрачнел и, вернув шпагу Семке, вновь уселся на скамейку, под сенью развесистого, шумящего кроною клена, еще даже не успевшего покрыться первой весенней листвой. Едва-едва только почки проклюнулись, да.

Уселся Никита Петрович, набычился, опустил глаза и стараясь справиться со вновь нахлынувшим откуда-то изнутри безысходным щемяще-грустным чувством, настолько грустным и настолько безысходным, что справиться с ним можно было только одним давно уже проверенным способом. Только одним... Каким все с подобным недугом справлялись.

— Ленька! — вскинув голову, помещик окатил парней стальным взглядом. Синие глаза Бутурлина вдруг сделались злыми, и в уголках их притаилось некое бешенство... кое тоже нужно было залить, и залить немедля...

— Рому тащи! Поди, на леднике осталось еще...

— Да как же осталось-то, батюшка? — озадаченно заморгал холоп. — Третьего дня еще сами изволили выкупать. До последней капли.

— До последней? — Бутурлин недоверчиво почесал бородку. — Третьего дня, говоришь? А вчера я что пил?

— Так медовуху ж, батюшка!

— Медовуху? Ну, давай медовуху!

— Так это... милостивец... — снова замялся Ленька. — Медовуху-то вы тоже того... выкушали до последней капли.

— Дьявол вас разрази! — сплюнув, Никита Петрович выругался и внимательно оглядел округу, словно бы надеясь увидеть завалившийся где-нибудь жбан. Ну вот, случайно так блеснет — в репейнике или под забором... или вот, на грядках, где дворовые девицы недавно посеяли лук!

Не! Не блеснуло, язви ее... Неужто и впрямь — все?

Впрочем, проблема была решаема.

— К Хомякину скажи, чего уж, — махнул рукой Бутурлин. — Уж у этого сатрапа всегда сыщется... Поди вон, Жельку седлай... она быстрая...

— Желька-то быстрая, милостивец, — холоп вновь поклонился. — Токмо это... Хомякина-то на усадьбе нет. На той седмице еще ко себе на Новгород отъехал. Дороги, говорит, подсохли, дак... Язм его людишек на реке повстречал, так они...

— Ну, отъехал и отъехал, пес с ним, — раздраженно хмыкнув, Никита Петрович поднялся на ноги. — Тиун его мне, чай, не откажет...

— Тиун без монеты не даст!

— Не даст, батюшко, — с поклон подтвердил и второй слуга — Семка. Чернявый, осанистый, он чем-то походил на медведя... хотя в том же фехтовании временами проявлял недюжинную ловкость!

— Не да-аст! — скривившись, передразнил помещик. — Чтоб вам девки так отвечали. Ладно... Что, у нас совсем ни копейки нету?

— Совсем, милостивец, — парни смущенно переглянулись. — Ни копейки, ни даже пула медного не завалилось.

— А ежели поискать?

— Так вчерась искали уже. И — третьего дня.

— Да-а... — вздохнув, Бутурлин почесал роскошную свою шевелюру. — Водка-то у них есть... Только тиун-управитель хомякинский ее под честное слов не даст, тут вы правы. Может, обменять на что? Вот ведь мысль, а? Выменять! На что только? Ну, давайте, давайте, мозгами-то шевелите, думайте! Не все ж я один за вас башкой работать должен.

— Может, батюшка... — Ленька нерешительно покачал на руке шпагу...

— Я вот те за такие слова высечь велю! — тут же взвился Никита. — Ишь, что удумал, телятя! А биться, коли государь призовет, чем будем?

— Так, Никита Петрович, свет... Рогатины ж есть! Да ослопы!

— Сами вы ослопы!

И короткие крепкие копыя — рогатины, как и увесистые, утыканые гвоздями, дубины — ослопы — в хозяйстве Бутурлина, конечно, имелись. Даже короткая пищаль имелаась — карабин рейтарский...

Эх, пойти бы в рейтары! Добраться до Москвы, записаться в полки иноземного строя... капитаном или хотя бы сержантом! Государь все дает — и жалованье, и амуницию, и... Только вот берут туда далеко не всех служилых... без связей — и думать нечего! А откуда у мелкопоместного дворянина связи в Москве? Вот то-то же...

Может, и впрямь — заложить шпагу? Их ведь четыре штуки. Два клинка — хорошие, миланской работы, и два так себе... один так и вообще уже проржавел... вот его-то и заложить, обменять на жбан водки. Да уж! Хитрован тиун ни за что худую вещь не возьмет.

— Тьфу ты! Прямо хоть сам в холопы запродавайся! Неужто на усадьбе продать больше нечего? А ну, пошлика, поищем, ага.

Вложив шпаги в ножны, вся троица направилась к усадьбе. Впереди шагал сам хозяин, дворянин, помещицкий сын Никита Петрович Бутурлин. Синеглазый, высокий, жилистый, с подстриженной вполне по-европейски бородкой и пышной темно-русою шевелюрой, он был одет в немецкое платье — рубаха с отложным воротником-кружевом, легкий кожаный жилет — колет, короткие штаны — кюлоты, уже по модному, без всяких там буфов-разрезов, как носили еще лет пять-десять назад. Немецкое платье удобно — и не жарко, и видно сразу, что не простой человек идет. Так половина тихвинского посада одевалась — всякие там таможенные дьяки, толмачи, лоцманы. Настоятель обители Тихвинской, Богородичного Успенского монастыря, архимандрит Иосиф уж как с этим боролся, многим епитимью накладывал — а все без толку. Ну, удобней просто... Да и в том же Ниене среди остальных не выделяться... Так и отче Иосиф махнул рукой — пес с ними. А ведь архимандрит был в тихвинской земле — главный. Посад-то и землицы вокруг на многие версты — все Нагорное Обонежье новгородское — обители принадлежало. И все монастырю были должны. Купчишки все, мастеровые, крестьяне... толмачи, лоцманы...

Лоцманским трудом и сам Никита Петрович не брезговал — деньга, она лишней не бывает, — нанимался, как и многие вконец разорившиеся своеземцы, однодворцы-помещики. Землица в здешних местах худая, все от погоды зависит, да лето на лето не приходится. Многие вообще в такую нищету впадали, что распродавали всех своих крестьян с землецею, да и сами б запродались в холопы, коли б царский указ сие строго-настрого не запрещал. Ну-ка, вся помещичья мелочь — в холопы? А кто государю служить будет? Являться конно, людно, оружно...

Да уж, не сказать, чтоб очень хорошо жили мелкие дворяне-помещики на северных русских землях. Всяко

жили. Иной раз — как-то перебедевывали, а частенько же впадали в полное разорение. Вот, как и отец Никиты, Петр Иванович Бутурлин, скончавшийся от лихоманки три лета назад. Матушка — царствие ей небесное — преставилась еще раньше, тоже от какой-то болезни. Вот и остался Никита один... Подзаработал на лоцманской службе денегат, женился... Да опять — мор! А что — порт рядом, купцов полно — заразу разносят! Померла молодая женушка, да и сам Никита Петрович едва не отправился на тот свет... лишь каким-то чудом оправился, выжил, все хотел добраться на соседний Больше-Шугозерский погост, сделать подношение храму. Так бы и сделал, да вот только подносить-то пока было нечего.

— Так... я в доме гляну, а вы — по амбарам, — отдав распоряжение дворовым, молодой человек поднялся по высокому крыльцу в хоромы... Ну, это уж так называлось — хоромы, по-старинному, а лучше сказать — просто большой несуразно построенный дом. Горница вполне просторная, с печью, опочивальня, светлица, сени... В сенях, у распахнутого оконца, сидели на лавке девушки в сарафанах — пряли шерсть. Девы эти, холопки, так и звались — сенные. Аж целых три штуки! Марфа, Фекла и Серафима. Все молодки — на выданье. Мاستерицы — жалко на сторону отдавать... на своих парнях и женить, ага, так и сладить.

При виде вошедшего в сени барина девчонки поспешно встали и поклонились:

— Здрав будь, кормилец.

Кормилец, язви их... Кто б самого покормил!

— И вы будьте здоровы, девы. Шерсти хватает пока?

— Да покуда хватает.

— Ну, трудитесь...

Прошел Бутурлин в горницу. Поклонились сенные девушки ему в спину. Меж собою переглянулись, зашептались. Красив был молодой господин, осанист — тут уж не отнять. Красив, да беден — кому и то знать, как не хо-

лопам? Приживешь от такого дите — и что? Так и голодовать дальше.

В горнице Никита Петрович уселся в резное шведское полукресло (еще батюшкино) и задумчиво осмотрел помещение. Сквозь раскрытое окно доносились птичьи трели: в кустах, возле росших у самого дома берез, пели жаворонки, из лесу им вторила кукушка. Гулко так куковала — ку-ку, ку-ку... По двору важно бродили куры. Не так уж и много их и осталось — всего-то дюжина, да пара петухов.

Петух! Может, его и обменять на водку-то? Выглянув в окно, Бутурлин задумчиво потеревил бородку. Обменять-то, наверное, можно... А вот как потом без петуха? И курям, и... В голодный-то год всяко на суп согдится! Не-ет, без петуха никак. Тогда что?

Рассеянный взгляд помещика упал на шахматную доску с расставленными фигурами, раскинутую прямо на столе. Шахматы? Не-е! Как время-то коротать долгими зимними вечерами? Не все же шпагой махать да учить дворовых азам гишпанского фехтования — дестрезе, припоминая приемы, описанные мэтрами вроде Каррансы или Жерара Тибо. Все эти круги, меры пропорции, стойки... Вообще, конечно, полезная вещь! Очень. Правда, больше в дуэлях, нежели на войне... Там не до кругов уж точно... Хотя — как сказать! Любой бой в конце концов распадается на ряд конкретных схваток. Вот тут-то дестреза — в самый раз! Удары, уколы, стойки...

А ну-ка, посмотрим, что у нас в сундуках?

Подумав так, молодой человек хмыкнул. А то он не знал, что там в сундуках? Никакого особого добра, так — всякое старье, рухлядь. Пара кафтанов, ферязь да проеденная молью шуба. Хорошая, в общем-то, шуба, лисья, парчой крытая... ну, не парчой — тафтою, узорчатым бархатом. Эх, кабы не моль — можно было б и шубу толкнуть. Или — доспех? Старый батюшкин бахтерец?

Распахнув сундук, Бутурлин вытащил доспех, встряхнул да с грустью погладил кольчужные кольца, провел пальцами по металлическим пластинам. Нет, от мушкетной пули не защитит... а вот от сабельного удара — пожалуй. Да и, если пуля на излете. Конечно, хорошо бы кирасою латной бахтерец сей заменить... да где ж ее взять, кирасу-то — чай, немаленьких денег стоит. Нет, пусть будет. Мало ли. Призовет государь — и в чем на поле брани идти? С голым брюхом?

А вот и шлем... Хороший, добрый шишак! Цельнокочаный, полукруглый, с небольшой шишечкой в наверхше, с защитными пластинами по бокам. Сверкающий тусклым металлом, ничуть не ржавый — уж об оружии-то молодой помещик заботился. Ну, как без шишака в бой? Недаром в «Учении и хитрости ратного строения» Якоба фон Вальхаузена сказано: «...мушкетёру же надобен шишак, потому, что не одно, что от посеку, но и на приступех от камня и от горячей воды и от иных мер, и для того мушкетёру шишак добре пригож, что на затравках и в напусках от рейтар большая поруха над головою живёт».

Все правильно, все так. Вальхаузен этот, видать, знал, о чем писал. Жаль, труд его на Руси-матушке только недавно перевели, лет семь-восемь назад.

Господи, какой же сейчас год? — неожиданно для себя самого задумался вдруг Бутурлин. От венчанья на царствие государя Алексея Михайловича минуло уж лет десять... Значит — если по-немецки — сейчас одна тысяча шестьсот пятьдесят шестой год от Рождества Христова. А от сотворения мира... это долго считать надобно.

Так! Не шишак и не бахтерец. Тогда что же... выходит — шубу? Ну да, на что она? Чай, не в Кремль ездить.

Вытащив шубу из сундука, Никита Петрович разложил ее на столе, сдвинув в сторону шахматы. Полюбовался. А вроде и ничего! Вон мех как играет! Ежели издали смотреть... А вот если вблизи... Ну, да неужели, такая ро-

скошная шуба — пусть даже и старая — двух-трех жбанов водки не стоит? Даже и перешить — полушубок сделать... Ах, тут еще и дырки... Жаль... А ну-ка...

Выглянув в дверь, Бутурлин позвал сенных девушек:

— Эй, Фекла, Марфа. Кто из вас шить добро может?

Девчонки вошли, поклонились:

— Да все мы, батюшка. А пуце того — Серафима. Уж так она вышивает, так...

— Ну, Серафима так Серафима... Иди сюда. Остальные — свободны. Работой своей занимайтесь.

Две девы с поклоном ушли, осталась одна — Серафима. Поклонилась, очи долу опустила скромненько. Сарафан, рубаха льняная до пят, ноги босы, из-под платка — коса светлая девичья. Ресницы длинные, пышные, трепетные...

Никита Петрович встряхнул шубу:

— Дырки видишь ли?

— Вижу, батюшка.

— Заштопай, ага... Только это, шубу в сени не носи — там места маловато. Здесь вот, в горнице, и штопай. Поняла?

— Поняла, батюшка, — ресницы кротко дернулись. — Только это... мне б за иголками-нитками сходить.

— Так сходи! Только давай того, побыстрее.

— Да я, батюшка, мигом!

Повернулась, умчалась девка. Ударила по плечам коса.

Покусав губы, Бутурлин в который раз уже взглянул на шубу. Эх, дырки, дырки... Ну, ежели эта мастерица зашьет... А вот, кабы не дырки, кабы новая? Сколько б тогда потянула сия шубейка? Лисий мех, тафта с узором... Рубля четыре — точно! Рейтарское жалованье за целый год. Хм... ну, пусть не четыре — пусть рубля три, два... Не рейтарское жалованье — стрелецкое. Эх, был бы простолюдином — записался б в рядовые стрельцы! А что? Чего плохого-то? В командиры-то не возьмут,